

9 (22) марта

Священномученики

Сергий Лебедев, Сергей Цветков, Алексий Смирнов и Димитрий Гливенко

В январе 1938 года власти арестовали священников Ухтомского благочиния Московской епархии, и среди них протоиереев Сергия Лебедева, Сергия Цветкова и Алексия Смирнова и священника Димитрия Гливенко и заключили в Таганскую тюрьму в Москве.

Священномученик Сергей родился 3 июля 1875 года в Москве в семье диакона Павла Лебедева, служившего в Екатерининском храме на Большой Ордынке. Семья с семидесятых годов XIX века жила в Замоскворечье и поддерживала тесные отношения с диаконом Феодором Соловьевым – будущим затворником Смоленской Зосимовой пустыни иеросхимонахом Алексием, который служил тогда в церкви святителя Николая в Толмачах.

В 1895 году Сергей Павлович окончил Московскую Духовную семинарию и с 1896 года преподавал Закон Божий в Мароновской церковноприходской школе, а с 1897-го – в Перервинском духовном училище в Москве. В 1898 году он был рукоположен во священника ко храму Смоленской иконы Божией Матери Новодевичьего монастыря. С этого времени отец Сергей стал преподавать Закон Божий в одноклассной церковной школе при монастыре. С 1900 года он стал законоучителем в воскресной школе Хамовнического попечительного училища, с 1902 года – помощником заведующего церковноприходской монастырской школой, с 1910 года – законоучителем в детском приюте.

В 1901 году скоропостижно скончалась супруга отца Сергия София, с которой они прожили около четырех лет, и он остался с трехлетним сыном Борисом. С этого времени в дом близ Новодевичьего монастыря, где жил отец Сергей, переехали его сестры Екатерина и Прасковья, а чуть позднее – его мать, Мария Павловна, которая, похоронив мужа, взяла на себя заботы по воспитанию внука.

После смерти жены отец Сергей отправился в Зосимову пустынь к своему духовному отцу иеромонаху Алексию, чтобы посоветоваться, как жить дальше, остаться ли духовником в женской обители (в то время в женских обителях, как правило, служили женатые священники) или перейти в другое место. Отец Алексей сказал ему: «Оставайся в монастыре, лучше быть среди голубиц, чем среди волков».

Иеромонах Алексей оказал отцу Сергию большую помощь в преодолении тех тяжелых переживаний, которые охватили его после смерти жены. Отец Сергей так вспоминал об этом. Однажды, когда иеромонах Алексей находился в Троице-Сергиевой Лавре, туда приехал и он. После долгой беседы старец оставил отца Сергия на ночь помолиться вместе с ним в Троицком соборе Лавры. После молитвы, уже перед рассветом, перед началом полунощницы, отец Алексей приоткрыл раку и дал священнику приложиться к мощам преподобного Сергия. Приложившись к мощам, тот отошел со слезами на глазах и долго стоял сосредоточенный. Старец спросил его:

– Сережа, что ты чувствовал, когда прикладывался к мощам?

– Мне показалось, что я опустил лицо в цветущий куст роз... и радость пришла в душу.

– Счастлив ты, ведь немногим дано пережить такое.

С этого момента для отца Сергия начался новый этап духовной жизни, устройство которой стало подобно монашескому. Мать, заметив в нем перемены, просила, пока она жива, не принимать монашество. Отец Сергий исполнил ее просьбу, но свою жизнь ограничил исключительно духовными и церковными интересами, так что она теперь состояла из богослужения, келейной молитвы, изучения трудов святых отцов, попечения о пастве и законоучительства.

Глубокое знание богослужебного устава, благоговейность и молитвенность служения отца Сергия были отмечены священноначалием, и ему было поручено помогать недавно рукоположенным священникам, которых направляли на стажировку в Новодевичий монастырь.

Отец Сергий был хорошим проповедником, и его проповеди и внебогослужебные собеседования всегда вызывали большой интерес у слушателей. Священник в них разъяснял, каким должен быть христианский взгляд на современные обстоятельства жизни.

«Как мало в нашей современной жизни радости! – писал отец Сергий. – Как много уныния не только среди обездоленных, но и среди взысканных судьбою людей! Как никогда изощрились и разнообразились теперь житейские удовольствия. Каким-то блестящим, безостановочным калейдоскопом идет теперь жизнь не только в столичных центрах, но и в провинциальных городах. Сколько захватывающих интересов! Сколько выставок промышленности, художественных, исторических, разных отраслей труда; какие громадные горизонты открыты новейшими применениями электричества. Мы слышим за тысячи верст говорящих с нами людей и вскоре у телефонного аппарата будем видеть их образы. Почти уже завоеван воздух... Словом, как интересна и разнообразна теперь жизнь. А между тем среди этого разнообразия какое-то общее недовольство, сознание какой-то своей нищеты, тоска, уныние, скука, отчаяние. Почему так? Да потому, что наряду с прогрессом в жизни нашего общества наблюдается полнейшее равнодушие к тайнам и радостям веры. Русло жизни все более и более отходит от нежных, согревающих лучей христианского Солнца Правды. И наука и искусство, и государственная и общественная жизнь со всеми ее многообразными разветвлениями – все это отклонилось от освежающей человеческое творчество благодати Христовой. От Бога бегут. Исповедовать Его стыдятся. Диво ли после этого, что наш прежде крепкий православно-русский быт сошел со своих вековых устоев, осложнился, обогатился новыми, враждебными христианскому духу обычаями и привычками и получил прямо-таки полуязыческий, богоборный характер?!»

«Люди становятся все более и более рабами внешних условий жизни, непрерывно усложняющихся ее форм и соединенной с ними жестокой борьбы за существование, за влияние, за власть, борьбы страстей и самолюбий, борьбы всего мелочного и узкозлобного... Несомненно, что раздвоение нравственных идеалов христианства и хода действительной жизни представляет из себя нечто полное великих мук и всяких печальных злосключений. И причина всего этого заключается в том, что благодатная сила Святых Таинств, сила возрождения Духом Святым перестала служить для сознания современного человека источником его нравственной жизни и деятельности... Люди полагаются на свои естественные силы и соображения, думают залечить зло своей жизни

самоизмышленными лекарствами и мерами. Понятно, что из этого никогда и ничего не может выйти надежно доброго – перед нашими глазами неизбежные последствия такого ложного пути – все распространяющееся недовольство жизнью и все усиливающиеся страдания. И как больно смотреть на страдания людей, как горько и тяжело сознавать, что ничто извне не может помочь им! Почему не может? Да потому, как это признано было одним просвещенным народом еще до пришествия Христова в мир (древними римлянами), что зло мира заключается в самом корне человеческой жизни; оно неизлечимо никакими частными, земными, человеческими усилиями – оно может быть излечено только радикальным средством, то есть должен быть обновлен самый корень жизни... Конечно, такое коренное обновление человечества могло быть совершено только всемогущей и всесозидающей силой Божественной, – и оно действительно совершено Сыном Божиим, Господом нашим Иисусом Христом, Который силен Своими искупительными страданиями и смертью уврачевать греховный струп человечества, уничтожить зло мира и через ниспослание Святого Духа дать людям новую жизнь, обновить самый корень ее, положить в людях новое семя к ее дальнейшему развитию: *послеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли* (Пс. 103, 30)».

Пророчески звучали слова отца Сергия, когда он учил своих духовных детей хранить веру Христову «и в час испытания в темнице, среди гонения, среди голода и холода, в бедах от братий и лжебратий, и под мечом палача».

«Вспомните весь собор мучеников, перечитайте их жития, – писал он, – и вы увидите, изнемогло ли Христово слово, оставлял ли Господь в полной беспомощности Своих верных служителей?.. Нет, все с такой радостью ощущали близость Христа к себе, что лобызали орудия мучения и смерти... которые приближали их еще более к Тому, Кто по вознесении Своем на небо с отеческой любовью приготовил им там многие светлые обители».

26 сентября 1920 года отец Сергий был возведен в сан протоиерея. Весной 1922 года он был арестован по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей. Его обвиняли в том, что он препятствовал проведению в жизнь постановления ВЦИК от 26 февраля 1922 года, «вошел в преступное сообщество, организованное представителями высшего духовенства и возглавляемое бывшим Патриархом Тихоном». Его также обвиняли в распространении послания Патриарха Тихона и заведомо ложных сведений «о деятельности должностных лиц, администрации советской власти и отдельных членов местных комиссий Помгола... возбуждающих у населения враждебное к ней отношение».

13 декабря 1922 года Московский революционный трибунал приговорил протоиерея Сергия к полутора годам заключения. В соответствии с проведенной властями амнистией он был освобожден досрочно – 11 июля 1923 года. Новодевичий монастырь был закрыт, и протоиерей Сергий стал служить в московской церкви Живоначальной Троицы в Зубове.

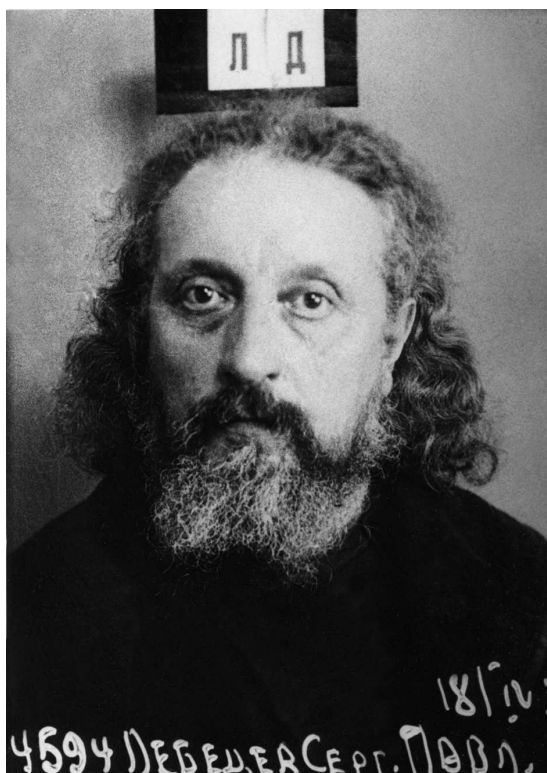
14 апреля 1931 года священник был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Отца Сергия обвинили в контрреволюционной деятельности – в связи с появлением его фотографии в газете «Нью-Йорк таймс». На фотографии был запечатлен момент, когда отец Сергий, идя по двору Новодевичьего монастыря, благословлял прихожан, и под ней подпись: «Знаменитый отец Сергий Лебедев, один из священников, честно выполняющих свой долг».

На следствии отец Сергий показал: «В каноническом общении состою с митрополитом Сергием. Никакой антисоветской агитацией я не занимался и

собраний нелегальных не устраивал. В 1929 году мой портрет появился с какой-то статьей в иностранной газете. Я совершенно никакого участия в этом не принимал и не знал, когда меня засняли».

30 апреля Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило его к трем годам ссылки в Северный край. Первое время он находился в Великом Устюге, где условия жизни были не тяжки. Затем был переведен вместе с другими священниками в село Кичменский Городок, а потом в еще более глухое село. В письмах к родным отец Сергей называет этот переезд «прогулкой при полном воздержании от пищи и отдыха». В начале 1932 года он жил в деревне Макарово. «Чтобы избежать праздности, письмописание считаю своим рукоделием, занимающим у меня ежедневно известную часть дня и вечера... С письмами да ежедневным занятием словом Божиим и духовно-нравственным чтением совершенно не видишь свободного времени», – писал он близким в марте 1932 года.

Каждый свой поход в районное село для отметки в ОГПУ он использовал, чтобы побывать на богослужении в храме. В остальное же время молился дома вместе с другим ссыльным священником, с которым отец Сергей поселился в одном доме. Начало Великого поста 1932 года также молились дома. «У нас имелись почти все богослужебные книги под руками, – писал он, – и мы имели полную возможность править все положенное по уставу церковному у себя дома. И Господь помог все совершить без всякой помехи, в самой мирной обстановке».

*Протоиерей Сергей Лебедев.
Москва, Бутырская тюрьма. 1931 год*

В 1933 году отец Сергей был переведен в деревню Сорокино, куда приезжали к нему духовные дети. В 1933 году «день славного Успения встретил и провел в мире, здравии и полном благополучии... Причащался в алтаре Святых Таин, предварительно сам исповедовавшись и исповедав кое-кого из своих

духовных чад... Чтение есть, занятия тоже ежедневно находятся, остается только лишь всей душой благодарить Господа за все Его милости и молить Его за вас и всех благодетелей своих и твердо верить в Его Промысл, бодрствующий надо мною, когда возможно и передвигающий меня, если это будет нужно и полезно для меня и для вас».

В то время, когда отец Сергей был в ссылке, его мать и сестра ходили к заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) с просьбой, чтобы тот похлопотал перед гражданскими властями о его освобождении. Узнав об этом, протоиерей Сергей написал им: «Глубоко чту я и Владыку митрополита Сергия за его крестonosный подвиг возглавления Церкви в наше лютое время. Я совершенно не льщу себя надеждой, что Владыка может помочь мне в моем деле. Это сверх его сил... Он со своей стороны рад бы все сделать для нашего освобождения, но непреодолимые препятствия стоят на пути его добрых намерений».

В 1934 году, по окончании срока ссылки, протоиерей Сергей был освобожден. Вот как писал он об этом родным: «В преддверии праздника иконы Божией Матери, именуемой “Нечаянная Радость”, я получил неожиданную для себя радость: после категорического отказа в досрочном освобождении на поруки Бори мне сегодня выдали документ о свободном проживании во всех городах СССР за отбытием полного срока ссылки».

После возвращения в Москву протоиерей Сергей был некоторое время секретарем заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, который назначил его на эту должность, чтобы материально поддержать: на попечении священника были мать и две сестры. Служил отец Сергей тогда в храме Петра и Павла в поселке Малаховка Люберецкого района Московской области.

*Протоиерей Сергей Лебедев.
Москва, Таганская тюрьма. 1938 год*

21 января 1938 года протоиерей Сергей был арестован. Прощаясь с матерью, он поклонился ей в ноги и сказал: «Матушка, в этой жизни мы уже не встретимся».

На допросе следователь заявил отцу Сергию:

– Следствием установлено, что вы получали задания от благочинного протоиерея Воздвиженского вести контрреволюционную деятельность против советской власти и проводили это среди населения. Почему вы это отрицаете?

– Я это отрицаю потому, что никаких контрреволюционных заданий от благочинного Владимира Федоровича Воздвиженского я не получал.

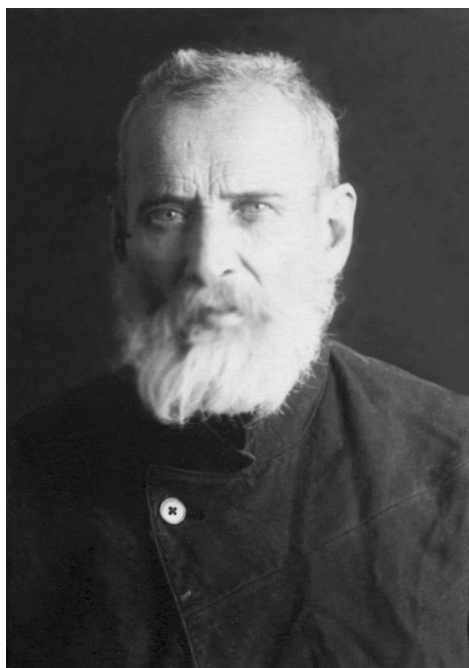
Была устроена очная ставка со священником Знаменской церкви села Перово Сергием Сахаровым, согласившимся давать нужные следствию показания. Он сказал:

– Сергей Павлович Лебедев является активным членом контрреволюционной группы духовенства, руководителем которой являлся благочинный Владимир Федорович Воздвиженский, который давал нам задания, чтобы мы среди надежного узкого круга вели активную борьбу против советской власти и готовились к ее свержению с помощью капиталистических стран.

– Подтверждаете ли вы показания Сахарова? – спросил следователь протоиерея Сергия.

– Нет, я показания Сахарова отрицаю, так как никакой контрреволюционной деятельности я не вел.

Священномученик Сергей родился 2 июня 1870 года в селе Марчуги Бронницкого уезда в семье священника Крестовоздвиженской церкви Никанора Федоровича Цветкова, учился в Коломенском духовном училище. В 1892 году он окончил Московскую Духовную семинарию и в том же году был рукоположен во диакона к Воскресенской церкви села Вешняки Московского уезда*, а в 1902 году – во священника к этому же храму.

*Протоиерей Сергей Цветков.
Москва, Таганская тюрьма. 1938 год*

---

* Ныне окраина Москвы.

С 1892 года отец Сергей состоял законоучителем в Выхинской церковноприходской школе, в церковноприходской школе в селе Вешняки и в Люберецком земском училище, с 1910 года – в 4-м мещанском городском, в земском начальном и в Смоленском женском городском училищах.

В 1917 году отец Сергей был назначен духовником благочиния, в 1918 году – награжден наперсным крестом, в 1920-м – возведен в сан протоиерея.

Первый раз отец Сергей был арестован ВЧК в 1919 году вместе со своим сыном Николаем, который был арестован как офицер царской армии и расстрелян. Отца Сергея продержали тогда в тюрьме три недели и освободили.

Вновь он был арестован в январе 1938 года.

– Знаете ли вы благочинного Владимира Федоровича Воздвиженского и часто ли его посещали? – спросил следователь.

– Владимира Федоровича Воздвиженского я знаю хорошо и часто посещал его квартиру, – ответил отец Сергей.

– Следствием установлено, что вы являлись членом контрреволюционной группировки, руководимой Воздвиженским. Признаете ли вы это?

– Нет, я это отрицаю.

– Следствию известно, что вы, состоя членом контрреволюционной группировки, вели среди населения контрреволюционную деятельность. Признаете ли вы это?

– Нет, я это отрицаю.

– Следствием установлено, что вы высказывали контрреволюционного характера клевету против советской власти и пораженческие настроения. Признаете ли вы это?

– Нет, я это отрицаю, виновным себя в контрреволюционной деятельности не признаю.

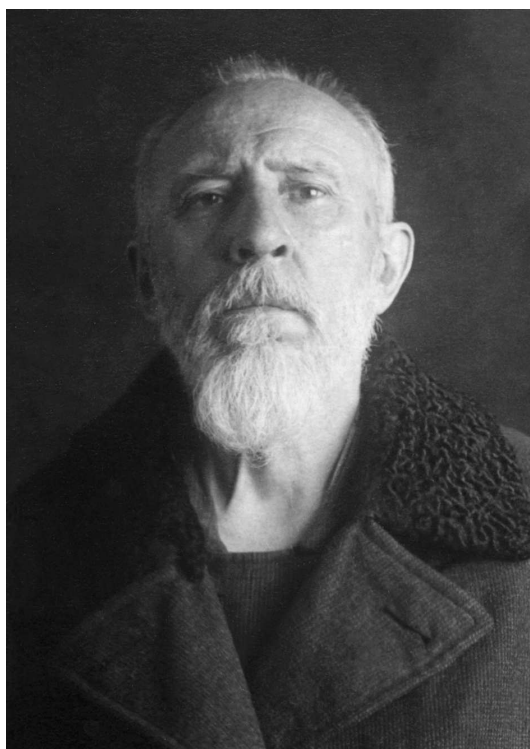
Снова был вызван в качестве свидетеля обвинения священник Сергей Сахаров, который дал необходимые следователям показания, но отец Сергей все их отверг.

5 марта 1938 года следствие было закончено. Всех священников обвиняли в том, что они «осенью 1937 года организовались в контрреволюционную группу, которую возглавил Воздвиженский, и, проводя среди населения Ухтомского района контрреволюционную агитацию, поставили своей целью проповедовать монархический строй, оказывать противодействие политике партии и советской власти, создание среди населения недовольства и проведение подготовки населения к приходу новой, капиталистической власти».

Священномученик Алексей родился 12 марта 1873 года в селе Голубое Звенигородского уезда Московской губернии в семье священника Знаменской церкви Сергея Ивановича Смирнова. Окончил Заиконоспасское духовное училище в Москве и в 1894 году Московскую Духовную семинарию. В 1897 году был назначен псаломщиком к московской Крестовоздвиженской церкви.

В 1908 году Алексей Сергеевич был рукоположен во диакона к церкви Николы в Плотниках, а 9 мая 1927 года – во священника к той же церкви. В 1931 году отец Алексей был назначен настоятелем этого храма и возведен в сан протоиерея, в 1932 году – настоятелем московской Власьевской церкви, в 1934 году переведен в Симеоно-Столпниковскую церковь, в том же году протоиерей Алексей был награжден митрой и назначен настоятелем храма Рождества Христова в селе Измайлово, а в 1935 году – настоятелем Никольско-Архангельской церкви в селе Никольском Балашихинского района. Здесь он

прослужил до 1937 года и затем был переведен в храм Успения Пресвятой Богородицы в селе Косино Ухтомского района.

*Протоиерей Алексей Смирнов.
Москва, Таганская тюрьма. 1938 год*

Это древнее село «издавна славилось своим превосходным местоположением и тремя озерами. Находившиеся здесь святыни – чудотворные иконы Божией Матери Косинской (Моденской) и святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца, исстари привлекали сюда столько народу, что в продолжение летних месяцев по всем дорогам в Косино пройдет и проедет по крайней мере до ста тысяч богомольцев», – писал очевидец, живший в первой половине XIX века.

В январе 1938 года отец Алексей был арестован и допрошен.

– Знаете ли вы благочинного Владимира Федоровича Воздвиженского и встречались ли с ним? – спросил следователь.

– Да, с благочинным Воздвиженским я хорошо знаком и часто посещал его квартиру, – ответил священник.

– Следствием установлено, что вы являлись членом контрреволюционной группировки, руководимой Воздвиженским. Признаете ли это?

– Нет, это я отрицаю. Членом контрреволюционной группировки я не состоял.

– Следствию известно, что вы, состоя членом контрреволюционной группировки, вели контрреволюционную деятельность. Признаете ли это?

– Нет, это я отрицаю.

– Следствием также установлено, что вы высказывали террористические настроения по отношению к коммунистам. Признаете ли это?

– Нет, я это отрицаю и виновным себя в контрреволюционной деятельности не признаю.

Поскольку отец Алексей отказывался лжесвидетельствовать, ему была устроена очная ставка со священником Сергием Сахаровым, который подтвердил показания, необходимые следователям. Но отец Алексей их все отверг, сказав: «Показания Сахарова я отрицаю, так как контрреволюционной деятельности я не вел».

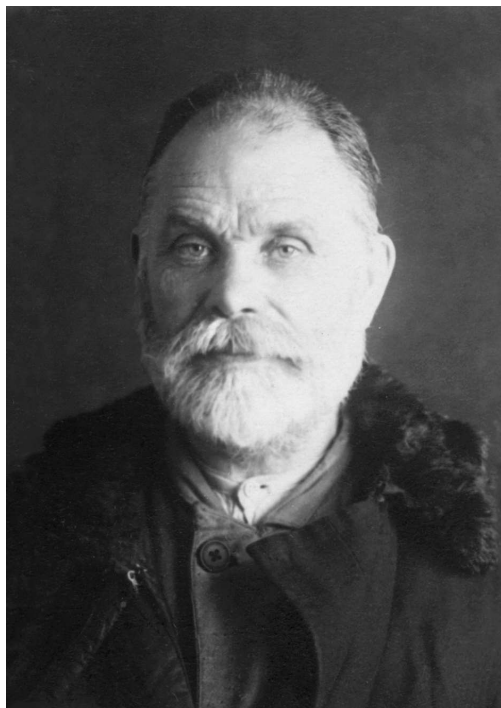
Священномученик Димитрий родился 1 января 1879 года в городе Таганроге в семье служащего государственного банка Павла Гливенко. Окончил Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. Во второй половине тридцатых годов он был настоятелем Троицкого храма в селе Карачарово Ухтомского района Московской области. В январе 1938 года отец Димитрий был арестован и допрошен.

– Следствием установлено, что вы являетесь членом контрреволюционной группировки, возглавляемой благочинным Воздвиженским. Признаете ли это?

– Нет, я это не признаю.

– Следствию известно, что вы, состоя членом контрреволюционной группировки, вели среди населения активную контрреволюционную деятельность. Признаете ли это?

– Нет, я это отрицаю, так как этого не было.

*Священник Димитрий Гливенко.
Москва, Таганская тюрьма. 1938 год*

– Следствию также известно, что вы высказывали террористические настроения относительно социализма. Признаете ли вы это?

– Нет, я это отрицаю и виновным себя в контрреволюционной деятельности не признаю.

Через неделю отцу Димитрию была устроена очная ставка со священником Сергием Сахаровым.

– Дайте следствию показания о принадлежности Гливенко к контрреволюционной группе духовенства и о его контрреволюционной деятельности, – потребовал следователь от него.

– Дмитрий Павлович Гливенко является активным членом контрреволюционной группы духовенства, руководимой Владимиром Федоровичем Воздвиженским, которая ставила своей целью свержение советской власти с помощью капиталистических стран.

Гливенко присутствующим говорил: «Мы можем рассчитывать на свержение советской власти только при помощи иностранного капитала, в особенности Германии, Японии, Италии, Польши, Румынии и Венгрии».

– Подтверждаете ли вы показания Сергея Николаевича Сахарова? – спросил следователь отца Дмитрия.

– Нет, я показания Сахарова отрицаю, так как я к контрреволюционной группировке не принадлежал и никакой контрреволюционной деятельности не вел.

15 марта 1938 года тройка УНКВД по Московской области приговорила священников Сергия Лебедева, Сергия Цветкова, Алексея Смирнова и Дмитрия Гливенко к расстрелу. 22 марта 1938 года протоиереи Сергей Лебедев, Сергей Цветков и Алексей Смирнов и священник Дмитрий Гливенко были расстреляны и погребены в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Март». Тверь. 2006. С. 94-109